

**Антон Павлович
Чехов**

Дама с собачкой

1

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста

**Anton Pavlovich
Chekov**

**The Lady with a
Dog**

1

IT was said that a new person had appeared on the sea-front: a lady with a little dog. Dmitri Dmitritch Gurov, who had by then been a fortnight at Yalta, and so was fairly at home there, had begun to take an interest in new arrivals. Sitting in Verney's pavilion, he saw, walking on the sea-front, a fair-haired young lady of medium

блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц.

И потом он встречал ее в городском саду и на сквере, по несколько раз в день. Она гуляла одна, все в том же берете, с белым шпицем; никто не знал, кто она, и называли ее просто так: дама с собачкой.

"Если она здесь без мужа и без знакомых", - соображал Гуров, - то было бы не лишнее познакомиться с ней".

height, wearing a béret; a white Pomeranian dog was running behind her.

And afterwards he met her in the public gardens and in the square several times a day. She was walking alone, always wearing the same béret, and always with the same white dog; no one knew who she was, and every one called her simply "the lady with the dog."

"If she is here alone without a husband or friends, it wouldn't be amiss to make her acquaintance," Gurov

Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына гимназиста. Его женили рано, когда он был еще студентом второго курса, и теперь жена казалась в полтора раза старше его. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах "ъ", называла мужа не

reflected.

He was under forty, but he had a daughter already twelve years old, and two sons at school. He had been married young, when he was a student in his second year, and by now his wife seemed half as old again as he. She was a tall, erect woman with dark eyebrows, staid and dignified, and, as she said of herself, intellectual. She read a great deal, used phonetic spelling, called her husband, not Dmitri, but Dimitri, and

Дмитрием, а
Димитрием, а он
втайне считал ее
недалекой, узкой,
неизящной, боялся ее
и не любил бывать
дома. Изменять ей он
начал уже давно,
изменял часто и,
вероятно, поэтому о
женщинах отзывался
почти всегда дурно, и
когда в его
присутствии говорили
о них, то он называл
их так: - Низшая
раса!

Ему казалось, что
он достаточно научен
горьким опытом,
чтобы называть их

he secretly considered
her unintelligent,
narrow, inelegant, was
afraid of her, and did
not like to be at home.
He had begun being
unfaithful to her long
ago -- had been
unfaithful to her often,
and, probably on that
account, almost always
spoke ill of women, and
when they were talked
about in his presence,
used to call them "the
lower race."

It seemed to him that
he had been so schooled
by bitter experience
that he might call them

как угодно, но все же без "низшей расы" он не мог бы прожить и двух дней. В обществе мужчин ему было скучно, не по себе, с ними он был неразговорчив, холоден, но когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно и знал, о чем говорить с ними и как держать себя; и даже молчать с ними ему было легко. В его наружности, в характере, во всей его натуре было что-то привлекательное,

what he liked, and yet he could not get on for two days together without "the lower race." In the society of men he was bored and not himself, with them he was cold and uncommunicative; but when he was in the company of women he felt free, and knew what to say to them and how to behave; and he was at ease with them even when he was silent. In his appearance, in his character, in his whole nature, there was something attractive and elusive which

неуловимое, что располагало к нему женщин, манило их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним.

Опыт многократный, в самом деле горький опыт, научил его давно, что всякое сближение, которое вначале так приятно разнообразит жизнь и представляется милым и легким приключением, у порядочных людей, особенно у москвичей, тяжелых

allured women and disposed them in his favour; he knew that, and some force seemed to draw him, too, to them.

Experience often repeated, truly bitter experience, had taught him long ago that with decent people, especially Moscow people -- always slow to move and irresolute -- every intimacy, which at first so agreeably diversifies life and appears a light and charming adventure, inevitably grows into a

на подъем,
нерешительных,
неизбежно вырастает
в целую задачу,
сложную
чрезвычайно, и
положение в конце
концов становится
тягостным. Но при
всякой новой встрече
с интересною
женщиной, этот опыт
как-то ускользал из
памяти, и хотелось
жить, и все казалось
так просто и забавно.

И вот однажды, под
вечер, он обедал в
саду, а дама в берете
подходила не спеша,
чтобы занять

regular problem of
extreme intricacy, and
in the long run the
situation becomes
unbearable. But at
every fresh meeting
with an interesting
woman this experience
seemed to slip out of his
memory, and he was
eager for life, and
everything seemed
simple and amusing.

One evening he was
dining in the gardens,
and the lady in the béret
came up slowly to take
the next table. Her

соседний стол. Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз и одна, что ей скучно здесь... В рассказах о нечистоте местных нравов много неправды, он презирал их и знал, что такие рассказы в большинстве сочиняются людьми, которые сами бы охотно грешили, если б умели; но когда дама села за соседний стол в трех шагах от него,

expression, her gait, her dress, and the way she did her hair told him that she was a lady, that she was married, that she was in Yalta for the first time and alone, and that she was dull there. . . The stories told of the immorality in such places as Yalta are to a great extent untrue; he despised them, and knew that such stories were for the most part made up by persons who would themselves have been glad to sin if they had been able; but when the lady sat down at the next table three

ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им.

Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил.

Дама взглянула на

paces from him, he remembered these tales of easy conquests, of trips to the mountains, and the tempting thought of a swift, fleeting love affair, a romance with an unknown woman, whose name he did not know, suddenly took possession of him.

He beckoned coaxingly to the Pomeranian, and when the dog came up to him he shook his finger at it. The Pomeranian growled: Gurov shook his finger at it again.

The lady looked at

него и тотчас же опустила глаза.

- Он не кусается, - сказала она и покраснела.

- Можно дать ему кость? - и когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: - Вы давно изволили приехать в Ялту?

- Дней пять.

- А я уже дотягиваю здесь вторую неделю.

Помолчали немного.

- Время идет быстро, а между тем здесь такая скука! -

him and at once dropped her eyes.

"He doesn't bite," she said, and blushed.

"May I give him a bone?" he asked; and when she nodded he asked courteously, "Have you been long in Yalta?"

"Five days."

"And I have already dragged out a fortnight here."

There was a brief silence.

"Time goes fast, and yet it is so dull here!" she said, not looking at

сказала она, не глядя на него.

- Это только принято говорить, что здесь скучно.

Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре - и ему не скучно, а придет сюда: "Ах, скучно! ах, пыль!" Подумаешь, что он из Гренады приехал.

Она засмеялась. Потом оба продолжали есть молча, как незнакомые; но после обеда пошли рядом - и начался шутливый, легкий разговор

him.

"That's only the fashion to say it is dull here. A provincial will live in Belyov or Zhidra and not be dull, and when he comes here it's 'Oh, the dullness! Oh, the dust!' One would think he came from Grenada."

She laughed. Then both continued eating in silence, like strangers, but after dinner they walked side by side; and there sprang up between them the light jesting

людей свободных, довольных, которым все равно, куда бы ни идти, о чем ни говорить. Они гуляли и говорили о том, как странно освещено море; вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса. Говорили о том, как душно после жаркого дня. Гуров рассказал, что он москвич, по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере,

conversation of people who are free and satisfied, to whom it does not matter where they go or what they talk about. They walked and talked of the strange light on the sea: the water was of a soft warm lilac hue, and there was a golden streak from the moon upon it. They talked of how sultry it was after a hot day. Gurov told her that he came from Moscow, that he had taken his degree in Arts, but had a post in a bank; that he had trained as an opera-

но бросил, имеет в Москве два дома... А от нее он узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где живет уже два года, что пробудет она в Ялте еще с месяц и за ней, быть может, приедет ее муж, которому тоже хочется отдохнуть. Она никак не могла объяснить, где служит ее муж, - в губернском правлении или в губернской земской управе, и это ей самой было смешно. И узнал еще Гуров, что ее зовут Анной

singer, but had given it up, that he owned two houses in Moscow. . . . And from her he learnt that she had grown up in Petersburg, but had lived in S---- since her marriage two years before, that she was staying another month in Yalta, and that her husband, who needed a holiday too, might perhaps come and fetch her. She was not sure whether her husband had a post in a Crown Department or under the Provincial Council -- and was amused by her own ignorance. And

Сергеевной.

Потом у себя в номере он думал о ней, о том, что завтра она, наверное, встретится с ним. Так должно быть. Ложась спать, он вспомнил, что она еще так недавно была институткой, училась все равно как теперь его дочь, вспомнил, сколько еще несмелости, угловатости было в ее смехе, в разговоре с незнакомым, - должно быть, это первый раз

Gurov learnt, too, that she was called Anna Sergeyevna.

Afterwards he thought about her in his room at the hotel -- thought she would certainly meet him next day; it would be sure to happen. As he got into bed he thought how lately she had been a girl at school, doing lessons like his own daughter; he recalled the diffidence, the angularity, that was still manifest in her laugh and her manner of talking with a stranger. This must have been the

в жизни она была одна, в такой обстановке, когда за ней ходят и на нее смотрят, и говорят с ней только с одной тайною целью, о которой она не может не догадываться. Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые серые глаза.

"Что-то в ней есть жалкое все-таки", - подумал он и стал засыпать.

2

Прошла неделя после знакомства. Был праздничный день. В комнатах было

first time in her life she had been alone in surroundings in which she was followed, looked at, and spoken to merely from a secret motive which she could hardly fail to guess. He recalled her slender, delicate neck, her lovely grey eyes.

"There's something pathetic about her, anyway," he thought, and fell asleep.

2

A week had passed since they had made acquaintance. It was a holiday. It was sultry

душно, а на улицах вихрем носилась пыль, срывало шляпы. Весь день хотелось пить, и Гуров часто заходил в павильон и предлагал Анне Сергеевне то воды с сиропом, то мороженого. Некуда было деваться.

Вечером, когда немного утихло, они пошли на мол, чтобы посмотреть, как придет пароход. На пристани было много гуляющих; собрались встречать кого-то,

indoors, while in the street the wind whirled the dust round and round, and blew people's hats off. It was a thirsty day, and Gurov often went into the pavilion, and pressed Anna Sergeyevna to have syrup and water or an ice. One did not know what to do with oneself.

In the evening when the wind had dropped a little, they went out on the groyne to see the steamer come in. There were a great many people walking about the harbour; they had

держали букеты. И тут отчетливо бросались в глаза две особенности нарядной ялтинской толпы: пожилые дамы были одеты как молодые и было много генералов.

По случаю волнения на море пароход пришел поздно, когда уже село солнце, и, прежде чем пристать к молу, долго поворачивался. Анна Сергеевна смотрела в лорнетку на пароход и на

gathered to welcome some one, bringing bouquets. And two peculiarities of a well-dressed Yalta crowd were very conspicuous: the elderly ladies were dressed like young ones, and there were great numbers of generals.

Owing to the roughness of the sea, the steamer arrived late, after the sun had set, and it was a long time turning about before it reached the groyne. Anna Sergeyevna looked through her lorgnette at

пассажиров, как бы отыскивая знакомых, и когда обращалась к Гурову, то глаза у нее блестели. Она много говорила, и вопросы у нее были отрывисты, и она сама тотчас же забывала, о чем спрашивала; потом потеряла в толпе лорнетку.

Нарядная толпа расходилась, уже не было видно лиц, ветер стих совсем, а Гуров и Анна Сергеевна стояли, точно ожидая, не сойдет ли

the steamer and the passengers as though looking for acquaintances, and when she turned to Gurov her eyes were shining. She talked a great deal and asked disconnected questions, forgetting next moment what she had asked; then she dropped her lorgnette in the crush.

The festive crowd began to disperse; it was too dark to see people's faces. The wind had completely dropped, but Gurov and Anna Sergeyevna still

еще кто с парохода. Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова.

- Погода к вечеру стала лучше, - сказал он.

- Куда же мы теперь пойдём? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила.

Тогда он пристально посмотрел на нее и вдруг обнял ее и поцеловал в губы, и

stood as though waiting to see some one else come from the steamer. Anna Sergeyevna was silent now, and sniffed the flowers without looking at Gurov.

"The weather is better this evening," he said.

"Where shall we go now? Shall we drive somewhere?"

She made no answer.

Then he looked at her intently, and all at once put his arm round her and kissed her on the lips, and breathed in

его обдало запахом и влагой цветов, и тотчас же он пугливо огляделся: не видел ли кто?

- Пойдемте к вам... - проговорил он тихо.

И оба пошли быстро.

У нее в номере было душно, пахло духами, которые она купила в японском магазине. Гуров, глядя на нее теперь, думал: "Каких только не бывает в жизни встреч!" От прошлого у него сохранилось

the moisture and the fragrance of the flowers; and he immediately looked round him, anxiously wondering whether any one had seen them.

"Let us go to your hotel," he said softly.

And both walked quickly.

The room was close and smelt of the scent she had bought at the Japanese shop. Gurov looked at her and thought: "What different people one meets in the world!" From the past he preserved memories of

воспоминание о
беззаботных,
добродушных
женщинах, веселых от
любви, благодарных
ему за счастье, хотя
бы очень короткое; и
о таких, - как,
например, его жена, -
которые любили без
искренности, с
излишними
разговорами,
манерно, с истерией,
с таким выражением,
как будто то была не
любовь, не страсть, а
что-то более
значительное; и о
таких двух-трех, очень
красивых, холодных, у

careless, good-natured
women, who loved
cheerfully and were
grateful to him for the
happiness he gave
them, however brief it
might be; and of women
like his wife who loved
without any genuine
feeling, with
superfluous phrases,
affectedly, hysterically,
with an expression that
suggested that it was
not love nor passion,
but something more
significant; and of two
or three others, very
beautiful, cold women,
on whose faces he had
caught a glimpse of a

которых вдруг промелькало на лице хищное выражение, упрямое желание взять, выхватить у жизни больше, чем она может дать, и это были не первой молодости, капризные, не рассуждающие, властные, не умные женщины, и когда Гуров охладевал к ним, то красота их возбуждала в нем ненависть, и кружева на их белье казались тогда похожими на чешую.

Но тут все та же

rapacious expression -- an obstinate desire to snatch from life more than it could give, and these were capricious, unreflecting, domineering, unintelligent women not in their first youth, and when Gurov grew cold to them their beauty excited his hatred, and the lace on their linen seemed to him like scales.

But in this case there

несмелость,
угловатость
неопытной
молодости, неловкое
чувство; и было
впечатление
растерянности, как
будто кто вдруг
постучал в дверь.
Анна Сергеевна, эта
"дама с собачкой", к
тому, что произошло,
отнеслась как-то
особенно, очень
серьезно, точно к
своему падению, -
так казалось, и это
было странно и
некстати. У нее
опустились, завяли
черты и по сторонам

was still the diffidence,
the angularity of
inexperienced youth, an
awkward feeling; and
there was a sense of
consternation as though
some one had suddenly
knocked at the door.
The attitude of Anna
Sergeyevna -- "the lady
with the dog" -- to what
had happened was
somehow peculiar, very
grave, as though it were
her fall -- so it seemed,
and it was strange and
inappropriate. Her face
dropped and faded, and
on both sides of it her
long hair hung down
mournfully; she mused

лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине.

- Нехорошо, - сказала она. - Вы же первый меня не уважаете теперь.

На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша. Прошло по крайней мере полчаса в молчании.

Анна Сергеевна была трогательна, от нее веяло чистотой порядочной, наивной,

in a dejected attitude like "the woman who was a sinner" in an old-fashioned picture.

"It's wrong," she said. "You will be the first to despise me now."

There was a watermelon on the table. Gurov cut himself a slice and began eating it without haste. There followed at least half an hour of silence.

Anna Sergeevna was touching; there was about her the purity of a good, simple woman

мало жившей женщины; одинокая свеча, горевшая на столе, едва освещала ее лицо, но было видно, что у нее нехорошо на душе.

- Отчего бы я мог перестать уважать тебя? - спросил Гуров.
- Ты сама не знаешь, что говоришь.

- Пусть бог меня простит! - сказала она, и глаза у нее наполнились слезами.
- Это ужасно.

- Ты точно оправдываешься.

- Чем мне оправдаться? Я

who had seen little of life. The solitary candle burning on the table threw a faint light on her face, yet it was clear that she was very unhappy.

"How could I despise you?" asked Gurov.
"You don't know what you are saying."

"God forgive me," she said, and her eyes filled with tears. "It's awful."

"You seem to feel you need to be forgiven."

"Forgiven? No. I am a bad, low woman; I

дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю. Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей! Я не знаю, что он делает там, как служит, я знаю только, что он лакей. Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет, меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше; ведь

despise myself and don't attempt to justify myself. It's not my husband but myself I have deceived. And not only just now; I have been deceiving myself for a long time. My husband may be a good, honest man, but he is a flunkey! I don't know what he does there, what his work is, but I know he is a flunkey! I was twenty when I was married to him. I have been tormented by curiosity; I wanted something better. 'There must be a different sort of life,' I

есть же, - говорила я себе, - другая жизнь. Хотелось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда... И здесь все ходила, как в угаре, как безумная... и вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать.

said to myself. I wanted to live! To live, to live! . . . I was fired by curiosity . . . you don't understand it, but, I swear to God, I could not control myself; something happened to me: I could not be restrained. I told my husband I was ill, and came here. . . . And here I have been walking about as though I were dazed, like a mad creature; . . . and now I have become a vulgar, contemptible woman whom any one may despise."

Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожиданное и неуместное; если бы не слезы на глазах, то можно было бы подумать, что она шутит или играет роль.

- Я не понимаю, - сказал он тихо, - что же ты хочешь?

Она спрятала голову у него на груди и прижалась к нему.

- Верьте, верьте мне, умоляю вас... - говорила она. - Я люблю честную,

Gurov felt bored already, listening to her. He was irritated by the naïve tone, by this remorse, so unexpected and inopportune; but for the tears in her eyes, he might have thought she was jesting or playing a part.

"I don't understand," he said softly. "What is it you want?"

She hid her face on his breast and pressed close to him.

"Believe me, believe me, I beseech you . . ." she said. "I love a pure, honest life, and sin is

чистую жизнь, а грех мне гадок, я сама не знаю, что делаю. Простые люди говорят: нечистый попутал. И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый.

- Полно, полно... - бормотал он.

Он смотрел ей в неподвижные, испуганные глаза, целовал ее, говорил тихо и ласково, и она понемногу успокоилась, и веселость вернулась к ней; стали оба смеяться.

loathsome to me. I don't know what I am doing. Simple people say: 'The Evil One has beguiled me.' And I may say of myself now that the Evil One has beguiled me."

"Hush, hush! . . ." he muttered.

He looked at her fixed, scared eyes, kissed her, talked softly and affectionately, and by degrees she was comforted, and her gaiety returned; they both began laughing.

Потом, когда они вышли, на набережной не было ни души, город со своими кипарисами имел совсем мертвый вид, но море еще шумело и билось о берег; один баркас качался на волнах, и на нем сонно мерцал фонарик.

Нашли извозчика и поехали в Ореанду.

- Я сейчас внизу в передней узнал твою фамилию: на доске написано фон Дидериц, - сказал Гуров. - Твой муж немец??

Afterwards when they went out there was not a soul on the sea-front. The town with its cypresses had quite a deathlike air, but the sea still broke noisily on the shore; a single barge was rocking on the waves, and a lantern was blinking sleepily on it.

They found a cab and drove to Oreanda.

"I found out your surname in the hall just now: it was written on the board -- Von Diderits," said Gurov. "Is your husband a German?"

- Нет, у него, кажется, дед был немец, но сам он православный.

В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу,

"No; I believe his grandfather was a German, but he is an Orthodox Russian himself."

At Oreanda they sat on a seat not far from the church, looked down at the sea, and were silent. Yalta was hardly visible through the morning mist; white clouds stood motionless on the mountain-tops. The leaves did not stir on the trees, grasshoppers chirruped, and the monotonous hollow sound of the sea rising up from below, spoke of

говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя

the peace, of the eternal sleep awaiting us. So it must have sounded when there was no Yalta, no Oreanda here; so it sounds now, and it will sound as indifferently and monotonously when we are all no more. And in this constancy, in this complete indifference to the life and death of each of us, there lies hid, perhaps, a pledge of our eternal salvation, of the unceasing movement of life upon earth, of unceasing progress towards perfection. Sitting

рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки - моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве.

beside a young woman who in the dawn seemed so lovely, soothed and spellbound in these magical surroundings -- the sea, mountains, clouds, the open sky -- Gurov thought how in reality everything is beautiful in this world when one reflects: everything except what we think or do ourselves when we forget our human dignity and the higher aims of our existence.

Подошел какой-то человек - должно быть, сторож, - посмотрел на них и ушел. И эта подробность показалась такой таинственной и тоже красивой. Видно было, как пришел пароход из Феодосии, освещенный утренней зарей, уже без огней.

- Роса на траве, - сказала Анна Сергеевна после молчания.

- Да. Пора домой. Они вернулись в город.

A man walked up to them -- probably a keeper -- looked at them and walked away. And this detail seemed mysterious and beautiful, too. They saw a steamer come from Theodosia, with its lights out in the glow of dawn.

"There is dew on the grass," said Anna Sergeyevna, after a silence.

"Yes. It's time to go home."

They went back to the town.

Then they met

Потом каждый
полдень они
встречались на
набережной,
завтракали вместе,
обедали, гуляли,
восхищались морем.
Она жаловалась, что
дурно спит и что у
нее тревожно бьется
сердце, задавала все
одни и те же вопросы,
волнуемая то
ревностью, то
страхом, что он
недостаточно ее
уважает. И часто на
сквере в саду, когда
вблизи их никого не
было, он вдруг
привлекал ее к себе и

everyday at twelve
o'clock on the sea-front,
lunched and dined
together, went for
walks, admired the sea.
She complained that she
slept badly, that her
heart throbbed
violently; asked the
same questions,
troubled now by
jealousy and now by the
fear that he did not
respect her sufficiently.
And often in the square
or gardens, when there
was no one near them,
he suddenly drew her to
him and kissed her
passionately. Complete
idleness, these kisses in

целовал страстно. Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей точно переродили его: он говорил Анне Сергеевне о том, как она хороша, как соблазнительна, был нетерпеливо страстен, не отходил от нее ни на шаг, а она часто задумывалась и все

broad daylight while he looked round in dread of some one's seeing them, the heat, the smell of the sea, and the continual passing to and fro before him of idle, well-dressed, well-fed people, made a new man of him; he told Anna Sergeyevna how beautiful she was, how fascinating. He was impatiently passionate, he would not move a step away from her, while she was often pensive and continually urged him to confess that he did not respect her, did not love her in

просила его сознаться, что он ее не уважает, нисколько не любит, а только видит в ней пошлую женщину. Почти каждый вечер попозже они уезжали куда-нибудь за город, в Ореанду или на водопад; и прогулка удавалась, впечатления неизменно всякий раз были прекрасны, величавы.

Ждали, что придет муж. Но пришло от него письмо, в котором он извещал, что у него разболелись глаза, и

the least, and thought of her as nothing but a common woman. Rather late almost every evening they drove somewhere out of town, to Oreanda or to the waterfall; and the expedition was always a success, the scenery invariably impressed them as grand and beautiful.

They were expecting her husband to come, but a letter came from him, saying that there was something wrong with his eyes, and he

умолял жену поскорее вернуться домой. Анна Сергеевна заторопилась.

- Это хорошо, что я уезжаю, - говорила она Гурову. - Это сама судьба.

Она поехала на лошадях, и он провожал ее. Ехали целый день. Когда она садилась в вагон курьерского поезда и когда пробил второй звонок, она говорила:

- Дайте я погляжу на вас еще... Погляжу еще раз. Вот так.

entreated his wife to come home as quickly as possible. Anna Sergeyevna made haste to go.

"It's a good thing I am going away," she said to Gurov. "It's the finger of destiny!"

She went by coach and he went with her. They were driving the whole day. When she had got into a compartment of the express, and when the second bell had rung, she said:

"Let me look at you once more . . . look at you once again. That's

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нее дрожало.

- Я буду о вас думать... вспоминать, - говорила она. - Господь с вами, оставайтесь. Не поминайте лихом. Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вообще встречаться. Ну, господь с вами.

Поезд ушел быстро, его огни скоро исчезли, и через минуту уже не было

right."

She did not shed tears, but was so sad that she seemed ill, and her face was quivering.

"I shall remember you . . . think of you," she said. "God be with you; be happy. Don't remember evil against me. We are parting forever -- it must be so, for we ought never to have met. Well, God be with you."

The train moved off rapidly, its lights soon vanished from sight, and a minute later there

слышно шума, точно все сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорее это сладкое забытие, это безумие. И, оставшись один на платформе и глядя в темную даль, Гуров слушал крик кузнечиков и гудение телеграфных проволок с таким чувством, как будто только что проснулся. И он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось,

was no sound of it, as though everything had conspired together to end as quickly as possible that sweet delirium, that madness. Left alone on the platform, and gazing into the dark distance, Gurov listened to the chirrup of the grasshoppers and the hum of the telegraph wires, feeling as though he had only just waked up. And he thought, musing, that there had been another episode or adventure in his life, and it, too, was at an end, and nothing was

и осталось теперь
воспоминание... Он
был растроган,
грустен и испытывал
легкое раскаяние;
ведь эта молодая
женщина, с которой
он больше уже
никогда не увидится,
не была с ним
счастлива; он был
приветлив с ней и
сердечен, но все же в
обращении с ней, в его
тоне и ласках
сквозила тенью
легкая насмешка,
грубоватое
высокомерие
счастливого мужчины,
который к тому же

left of it but a memory. .
. . He was moved, sad,
and conscious of a slight
remorse. This young
woman whom he would
never meet again had
not been happy with
him; he was genuinely
warm and affectionate
with her, but yet in his
manner, his tone, and
his caresses there had
been a shade of light
irony, the coarse
condescension of a
happy man who was,
besides, almost twice
her age. All the time she
had called him kind,
exceptional, lofty;
obviously he had

почти вдвое старше ее. Все время она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит невольно обманывал ее...

Здесь на станции уже пахло осенью, вечер был прохладный.

"Пора и мне на север, - думал Гуров, уходя с платформы. - Пора!"

3

Дома в Москве уже все было по-

seemed to her different from what he really was, so he had unintentionally deceived her. . . .

Here at the station was already a scent of autumn; it was a cold evening.

"It's time for me to go north," thought Gurov as he left the platform. "High time!"

3

At home in Moscow everything was in its

зимнему, топили печи и по утрам, когда дети собирались в гимназию и пили чай, было темно, и няня ненадолго зажигала огонь. Уже начались морозы. Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы. У старых лип и берез, белых от инея, добродушное выражение, они ближе к сердцу, чем кипарисы и пальмы, и

winter routine; the stoves were heated, and in the morning it was still dark when the children were having breakfast and getting ready for school, and the nurse would light the lamp for a short time. The frosts had begun already. When the first snow has fallen, on the first day of sledge-driving it is pleasant to see the white earth, the white roofs, to draw soft, delicious breath, and the season brings back the days of one's youth. The old limes and

вблизи них уже не хочется думать о горах и море.

Гуров был москвич, вернулся он в Москву в хороший, морозный день, и когда надел шубу и теплые перчатки и прошелся по Петровке и когда в субботу вечером услышал звон колоколов, то недавняя поездка и места, в которых он

birches, white with hoar-frost, have a good-natured expression; they are nearer to one's heart than cypresses and palms, and near them one doesn't want to be thinking of the sea and the mountains.

Gurov was Moscow born; he arrived in Moscow on a fine frosty day, and when he put on his fur coat and warm gloves, and walked along Petrovka, and when on Saturday evening he heard the ringing of the bells, his recent trip and the places he had seen lost

был, потеряли для него все очарование. Мало-помалу он окунулся в московскую жизнь, уже с жадностью прочитывал по три газеты в день и говорил, что не читает московских газет из принципа. Его уже тянуло в рестораны, клубы, на званые обеды, юбилеи, и уже ему было лестно, что у него бывают известные адвокаты и артисты и что в Докторском клубе он играет в карты с профессором. Уже он

all charm for him. Little by little he became absorbed in Moscow life, greedily read three newspapers a day, and declared he did not read the Moscow papers on principle! He already felt a longing to go to restaurants, clubs, dinner-parties, anniversary celebrations, and he felt flattered at entertaining distinguished lawyers and artists, and at playing cards with a professor at the doctors' club. He could already eat a whole plateful of salt fish and

мог съесть целую порцию селянки на сковороде...

Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания

cabbage.

In another month, he fancied, the image of Anna Sergeyevna would be shrouded in a mist in his memory, and only from time to time would visit him in his dreams with a touching smile as others did. But more than a month passed, real winter had come, and everything was still clear in his memory as though he had parted with Anna Sergeyevna only the day before. And his memories glowed more and more vividly.

разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс, или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался, и потом воспоминания

When in the evening stillness he heard from his study the voices of his children, preparing their lessons, or when he listened to a song or the organ at the restaurant, or the storm howled in the chimney, suddenly everything would rise up in his memory: what had happened on the groyne, and the early morning with the mist on the mountains, and the steamer coming from Theodosia, and the kisses. He would pace a long time about his room, remembering it

переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет. Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкафа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый

all and smiling; then his memories passed into dreams, and in his fancy the past was mingled with what was to come. Anna Sergeyevna did not visit him in dreams, but followed him about everywhere like a shadow and haunted him. When he shut his eyes he saw her as though she were living before him, and she seemed to him lovelier, younger, tenderer than she was; and he imagined himself finer than he had been in Yalta. In the evenings she peeped out at him

шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее...

И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома - не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чем говорить? Разве он любил тогда? Разве

from the bookcase, from the fireplace, from the corner -- he heard her breathing, the caressing rustle of her dress. In the street he watched the women, looking for some one like her.

He was tormented by an intense desire to confide his memories to some one. But in his home it was impossible to talk of his love, and he had no one outside; he could not talk to his tenants nor to any one at the bank. And what had he to talk of? Had he been in love, then?

было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне? И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чем дело, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:

- Тебе, Димитрий, совсем не идет роль фата.

Однажды ночью, выходя из Докторского клуба со

Had there been anything beautiful, poetical, or edifying or simply interesting in his relations with Anna Sergeyevna? And there was nothing for him but to talk vaguely of love, of woman, and no one guessed what it meant; only his wife twitched her black eyebrows, and said:

"The part of a lady-killer does not suit you at all, Dimitri."

One evening, coming out of the doctors' club with an official with

своим партнером,
чиновником, он не
удержался и сказал:

- Если б вы знали, с
какой очаровательной
женщиной я
познакомился в Ялте!

Чиновник сел в
сани и поехал, но
вдруг обернулся и
окликнул:

- Дмитрий
Дмитрич!

- Что?

- А давеча вы были
правы: осетрина-то с
душком!

Эти слова, такие
обычные, почему-то

whom he had been
playing cards, he could
not resist saying:

"If only you knew
what a fascinating
woman I made the
acquaintance of in
Yalta!"

The official got into
his sledge and was
driving away, but
turned suddenly and
shouted:

"Dmitri Dmitritch!"

"What?"

"You were right this
evening: the sturgeon
was a bit too strong!"

These words, so
ordinary, for some

вдруг возмутили
Гурова, показались
ему унижительными,
нечистыми. Какие
дикие нравы, какие
лица! Что за
бестолковые ночи,
какие неинтересные,
незаметные дни!
Неистовая игра в
карты, обжорство,
пьянство, постоянные
разговоры все об
одном. Ненужные
дела и разговоры все
об одном охватывают
на свою долю
лучшую часть
времени, лучшие
силы, и в конце
концов остается

reason moved Gurov to
indignation, and struck
him as degrading and
unclean. What savage
manners, what people!
What senseless nights,
what uninteresting,
uneventful days! The
rage for card-playing,
the gluttony, the
drunkenness, the
continual talk always
about the same thing.
Useless pursuits and
conversations always
about the same things
absorb the better part
of one's time, the better
part of one's strength,
and in the end there is
left a life grovelling and

какая-то куцая,
бескрылая жизнь,
какая-то чепуха, и
уйти и бежать нельзя,
точно сидишь в
сумасшедшем доме
или в арестантских
ротах!

Гуров не спал всю
ночь и возмущался, и
затем весь день
провел с головной
болью. И в следующие
ночи он спал дурно,
все сидел в постели и
думал или ходил из
угла в угол. Дети ему
надоели, банк надоел,
не хотелось никуда
идти, ни о чем

curtailed, worthless and
trivial, and there is no
escaping or getting
away from it -- just as
though one were in a
madhouse or a prison.

Gurov did not sleep
all night, and was filled
with indignation. And
he had a headache all
next day. And the next
night he slept badly; he
sat up in bed, thinking,
or paced up and down
his room. He was sick
of his children, sick of
the bank; he had no
desire to go anywhere

говорить.

В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека - и уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо. Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно.

Приехал он в С. утром и занял в гостинице лучший номер, где весь пол

or to talk of anything.

In the holidays in December he prepared for a journey, and told his wife he was going to Petersburg to do something in the interests of a young friend -- and he set off for S----. What for? He did not very well know himself. He wanted to see Anna Sergeyevna and to talk with her -- to arrange a meeting, if possible.

He reached S---- in the morning, and took the best room at the hotel, in which the

был обтянут серым солдатским сукном, и была на столе чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцар дал ему нужные сведения: фон Дидериц живет на Старо-Гончарной улице, в собственном доме, - это недалеко от гостиницы, живет хорошо, богато, имеет своих лошадей, его все знают в городе. Швейцар выговаривал так: Дрыдыриц.

floor was covered with grey army cloth, and on the table was an inkstand, grey with dust and adorned with a figure on horseback, with its hat in its hand and its head broken off. The hotel porter gave him the necessary information; Von Diderits lived in a house of his own in Old Gontcharny Street -- it was not far from the hotel: he was rich and lived in good style, and had his own horses; every one in the town knew him. The porter pronounced the name

Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями.

"От такого забора убежишь", - думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор.

Он соображал: сегодня день неприсутственный, и муж, вероятно, дома. Да и все равно, было бы бестактно войти в дом и смутить. Если

"Dridirits."

Gurov went without haste to Old Gontcharny Street and found the house. Just opposite the house stretched a long grey fence adorned with nails.

"One would run away from a fence like that," thought Gurov, looking from the fence to the windows of the house and back again.

He considered: today was a holiday, and the husband would probably be at home. And in any case it would be tactless to go into the house and upset her. If

же послать записку, то она, пожалуй, попадет в руки мужу, и тогда все можно испортить. Лучше всего положиться на случай. И он все ходил по улице и около забора и поджидал этого случая. Он видел, как в ворота вошел нищий и на него напали собаки, потом, час спустя, слышал игру на рояле, и звуки доносились слабые, неясные. Должно быть, Анна Сергеевна играла. Парадная дверь вдруг отворилась и из нее

he were to send her a note it might fall into her husband's hands, and then it might ruin everything. The best thing was to trust to chance. And he kept walking up and down the street by the fence, waiting for the chance. He saw a beggar go in at the gate and dogs fly at him; then an hour later he heard a piano, and the sounds were faint and indistinct. Probably it was Anna Sergeevna playing. The front door suddenly opened, and an old woman came out, followed by the familiar

вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилося сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица.

Он ходил, и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, быть может, уже развлекается с другим, и это так естественно в

white Pomeranian. Gurov was on the point of calling to the dog, but his heart began beating violently, and in his excitement he could not remember the dog's name.

He walked up and down, and loathed the grey fence more and more, and by now he thought irritably that Anna Sergeyevna had forgotten him, and was perhaps already amusing herself with some one else, and that that was very natural in

положении молодой женщины, которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор. Он вернулся к себе в номер и долго сидел на диване, не зная, что делать, потом обедал, потом долго спал.

"Как все это глупо и беспокойно, - думал он, проснувшись и глядя на темные окна: был уже вечер. - Вот и выспался зачем-то. Что же я теперь ночью буду делать?"

Он сидел на

a young woman who had nothing to look at from morning till night but that confounded fence. He went back to his hotel room and sat for a long while on the sofa, not knowing what to do, then he had dinner and a long nap.

"How stupid and worrying it is!" he thought when he woke and looked at the dark windows: it was already evening. "Here I've had a good sleep for some reason. What shall I do in the night?"

He sat on the bed, which was covered by a

постели, покрытой дешевым серым, точно больничным, одеялом, и дразнил себя с досадой:

"Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут".

Еще утром, на вокзале, ему бросилась в глаза афиша с очень крупными буквами: шла в первый раз "Гейша". Он вспомнил об этом и поехал в театр.

"Очень возможно, что она бывает на первых

cheap grey blanket, such as one sees in hospitals, and he taunted himself in his vexation:

"So much for the lady with the dog . . . so much for the adventure. . . . You're in a nice fix. . . ."

That morning at the station a poster in large letters had caught his eye. "The Geisha" was to be performed for the first time. He thought of this and went to the theatre.

"It's quite possible she may go to the first performance," he

представлениях", -
думал он.

Театр был полон. И тут, как вообще во всех губернских театрах, был туман повыше люстры, шумно беспокоилась галерка; в первом ряду перед началом представления стояли местные франты, заложив руки назад; и тут, в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа, а сам губернатор скромно прятался за портьерой, и видны

thought.

The theatre was full. As in all provincial theatres, there was a fog above the chandelier, the gallery was noisy and restless; in the front row the local dandies were standing up before the beginning of the performance, with their hands behind them; in the Governor's box the Governor's daughter, wearing a boa, was sitting in the front seat, while the Governor himself lurked modestly behind the curtain with only his hands visible;

были только его руки; качался занавес, оркестр долго настраивался. Все время, пока публика входила и занимала места, Гуров жадно искал глазами.

Вошла и Анна Сергеевна. Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая

the orchestra was a long time tuning up; the stage curtain swayed. All the time the audience were coming in and taking their seats Gurov looked at them eagerly.

Anna Sergeevna, too, came in. She sat down in the third row, and when Gurov looked at her his heart contracted, and he understood clearly that for him there was in the whole world no creature so near, so precious, and so important to him; she, this little woman, in no

женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок, он думал о том, как она хороша. Думал и мечтал.

Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с

way remarkable, lost in a provincial crowd, with a vulgar lorgnette in her hand, filled his whole life now, was his sorrow and his joy, the one happiness that he now desired for himself, and to the sounds of the inferior orchestra, of the wretched provincial violins, he thought how lovely she was. He thought and dreamed.

A young man with small side-whiskers, tall and stooping, came in with Anna Sergeevna and sat down beside her; he bent his head at every step and seemed

небольшими бакенами, очень высокий, сутулый; он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся. Вероятно, это был муж, которого она тогда в Ялте, в порыве горького чувства, обозвала лакеем. И в самом деле, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски-скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно

to be continually bowing. Most likely this was the husband whom at Yalta, in a rush of bitter feeling, she had called a flunkey. And there really was in his long figure, his side-whiskers, and the small bald patch on his head, something of the flunkey's obsequiousness; his smile was sugary, and in his buttonhole there was some badge of distinction like the number on a waiter.

лакейский номер.

В первом антракте муж ушел курить, она осталась в кресле. Гуров, сидевший тоже в партере, подошел к ней и сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно:

- Здравствуйте.

Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно борясь с собой, чтобы не упасть в обморок.

During the first interval the husband went away to smoke; she remained alone in her stall. Gurov, who was sitting in the stalls, too, went up to her and said in a trembling voice, with a forced smile:

"Good-evening."

She glanced at him and turned pale, then glanced again with horror, unable to believe her eyes, and tightly gripped the fan and the lorgnette in her hands, evidently struggling with herself

Оба молчали. Она сидела, он стоял, испуганный ее смущением, не решаясь сесть рядом. Запели настроиваемые скрипки и флейта, стало вдруг страшно, казалось, что из всех лож смотрят. Но вот она встала и быстро пошла к выходу; он - за ней, и оба шли бестолково, по коридорам, по лестницам, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди в

not to faint. Both were silent. She was sitting, he was standing, frightened by her confusion and not venturing to sit down beside her. The violins and the flute began tuning up. He felt suddenly frightened; it seemed as though all the people in the boxes were looking at them. She got up and went quickly to the door; he followed her, and both walked senselessly along passages, and up and down stairs, and figures in legal, scholastic, and civil

судейских,
учительских и
удельных мундирах, и
все со значками;
мелькали дамы,
шубы на вешалках,
дул сквозной ветер,
обдавая запахом
табачных окурков. И
Гуров, у которого
сильно билось сердце,
думал:

"О, господи! И к
чему эти люди, этот
оркестр..."

И в эту минуту он
вдруг вспомнил: как
тогда вечером на
станции, проводив
Анну Сергеевну,
говорил себе, что все

service uniforms, all
wearing badges, flitted
before their eyes. They
caught glimpses of
ladies, of fur coats
hanging on pegs; the
draughts blew on them,
bringing a smell of stale
tobacco. And Gurov,
whose heart was
beating violently,
thought:

"Oh, heavens! Why
are these people here
and this orchestra! . . ."

And at that instant he
recalled how when he
had seen Anna
Sergeyevna off at the
station he had thought
that everything was

кончилось и они уже никогда не увидятся. Но как еще далеко было до конца!

На узкой, мрачной лестнице, где было написано "ход в амфитеатр", она остановилась.

- Как вы меня испугали! - сказала она, тяжело дыша, все еще бледная, ошеломленная. - О, как вы меня испугали! Я едва жива. Зачем вы приехали? Зачем?

- Но поймите, Анна, поймите... - проговорил он вполголоса, торопясь.

over and they would never meet again. But how far they were still from the end!

On the narrow, gloomy staircase over which was written "To the Amphitheatre," she stopped.

"How you have frightened me!" she said, breathing hard, still pale and overwhelmed. "Oh, how you have frightened me! I am half dead. Why have you come? Why?"

"But do understand, Anna, do understand . . ." he said hastily in a low voice. "I entreat you

- Умоляю вас,
поймите...

Она глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально, чтобы покрепче задержать в памяти его черты.

- Я так страдаю! - продолжала она, не слушая его. - Я все время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали?

Повыше, на площадке, два

to understand. . . ."

She looked at him with dread, with entreaty, with love; she looked at him intently, to keep his features more distinctly in her memory.

"I am so unhappy," she went on, not heeding him. "I have thought of nothing but you all the time; I live only in the thought of you. And I wanted to forget, to forget you; but why, oh, why, have you come?"

On the landing above them two schoolboys

гимназиста курили и смотрели вниз, но Гурову было все равно, он привлек к себе Анну Сергеевну и стал целовать ее лицо, щеки, руки.

- Что вы делаете, что вы делаете! - говорила она в ужасе, отстраняя его от себя.

- Мы с вами обезумели. Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас... Заклинаю вас всем святым, умоляю... Сюда идут!

По лестнице снизу вверх кто-то шел.

- Вы должны уехать... - продолжала

were smoking and looking down, but that was nothing to Gurov; he drew Anna Sergeyevna to him, and began kissing her face, her cheeks, and her hands.

"What are you doing, what are you doing!" she cried in horror, pushing him away. "We are mad. Go away today; go away at once. . . . I beseech you by all that is sacred, I implore you. . . . There are people coming this way!"

Some one was coming up the stairs.

"You must go away,"

Анна Сергеевна шепотом. - Слышите, Дмитрий Дмитрич. Я приеду к вам в Москву. Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я приеду в Москву. А теперь расстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, расстанемся!

Она пожала ему руку и стала быстро спускаться вниз, все

Anna Sergeyevna went on in a whisper. "Do you hear, Dmitri Dmitritch? I will come and see you in Moscow. I have never been happy; I am miserable now, and I never, never shall be happy, never! Don't make me suffer still more! I swear I'll come to Moscow. But now let us part. My precious, good, dear one, we must part!"

She pressed his hand and began rapidly going downstairs, looking

оглядываясь на него, и по глазам ее было видно, что она в самом деле не была счастлива... Гуров постоял немного, прислушался, потом, когда все утихло, отыскал свою вешалку и ушел из театра.

4

И Анна

Сергеевна стала приезжать к нему в Москву. Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором насчет

round at him, and from her eyes he could see that she really was unhappy. Gurov stood for a little while, listened, then, when all sound had died away, he found his coat and left the theatre.

4

And Anna

Sergeyevna began coming to see him in Moscow. Once in two or three months she left S---, telling her husband that she was going to consult a doctor about an internal complaint --

своей женской
болезни, - и муж верил
и не верил. Приехав в
Москву, она
останавливалась в
"Славянском базаре" и
тотчас же посылала
к Гурову человека в
красной шапке. Гуров
ходил к ней, и никто в
Москве не знал об
этом.

Однажды он шел к
ней таким образом в
зимнее утро
(посыльный был у
него накануне
вечером и не застал).
С ним шла его дочь,
которую хотелось
ему проводить в

and her husband
believed her, and did
not believe her. In
Moscow she stayed at
the Slaviansky Bazaar
hotel, and at once sent a
man in a red cap to
Gurov. Gurov went to
see her, and no one in
Moscow knew of it.

Once he was going to
see her in this way on a
winter morning (the
messenger had come
the evening before
when he was out). With
him walked his
daughter, whom he
wanted to take to

гимназию, это было по дороге. Валил крупный мокрый снег.

- Теперь на три градуса теплее, а между тем идет снег, - говорил Гуров дочери. - Но ведь это тепло только на поверхности земли, в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура.

- Папа, а почему зимой не бывает грома?

Он объяснил и это. Он говорил и думал о том, что вот он идет на свидание, и ни одна живая душа не знает

school: it was on the way. Snow was falling in big wet flakes.

"It's three degrees above freezing-point, and yet it is snowing," said Gurov to his daughter. "The thaw is only on the surface of the earth; there is quite a different temperature at a greater height in the atmosphere."

"And why are there no thunderstorms in the winter, father?"

He explained that, too. He talked, thinking all the while that he was going to see her, and no living soul knew of it,

об этом и, вероятно, никогда не будет знать. У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая - протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не

and probably never would know. He had two lives: one, open, seen and known by all who cared to know, full of relative truth and of relative falsehood, exactly like the lives of his friends and acquaintances; and another life running its course in secret. And through some strange, perhaps accidental, conjunction of circumstances, everything that was essential, of interest and of value to him, everything in which he was sincere and did not

обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его "низшая раса", хождение с женой на юбилеи, - все это было явно. И по себе он судил о других, не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как

deceive himself, everything that made the kernel of his life, was hidden from other people; and all that was false in him, the sheath in which he hid himself to conceal the truth -- such, for instance, as his work in the bank, his discussions at the club, his "lower race," his presence with his wife at anniversary festivities -- all that was open. And he judged of others by himself, not believing in what he saw, and always believing that every man had his real, most

под покровом ночи,
проходит его
настоящая, самая
интересная жизнь.
Каждое личное
существование
держится на тайне,
и, быть может,
отчасти поэтому
культурный человек
так нервно хлопчет
о том, чтобы
уважалась личная
тайна.

Проводив дочь в
гимназию, Гуров
отправился в
"Славянский базар".
Он снял шубу внизу,
поднялся наверх и
тихо постучал в

interesting life under
the cover of secrecy and
under the cover of
night. All personal life
rested on secrecy, and
possibly it was partly
on that account that
civilised man was so
nervously anxious that
personal privacy should
be respected.

After leaving his
daughter at school,
Gurov went on to the
Slaviansky Bazaar. He
took off his fur coat
below, went upstairs,
and softly knocked at

дверь. Анна Сергеевна, одетая в его любимое серое платье, утомленная дорогой и ожиданием, поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошел, как она уже припала к его груди. Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный.

- Ну, как живешь там? - спросил он. - Что нового?

- Погоди, сейчас скажу... Не могу.

the door. Anna Sergeyevna, wearing his favourite grey dress, exhausted by the journey and the suspense, had been expecting him since the evening before. She was pale; she looked at him, and did not smile, and he had hardly come in when she fell on his breast. Their kiss was slow and prolonged, as though they had not met for two years.

"Well, how are you getting on there?" he asked. "What news?"

"Wait; I'll tell you directly. . . . I can't talk."

Она не могла говорить, так как плакала. Отвернувшись от него и прижала платок к глазам.

"Ну, пускай поплачет, а я пока посижу", - подумал он и сел в кресло.

Потом он позвонил и сказал, чтобы ему принесли чаю; и потом, когда пил чай, она все стояла, отвернувшись к окну... Она плакала от волнения, от скорбного сознания, что их жизнь так

She could not speak; she was crying. She turned away from him, and pressed her handkerchief to her eyes.

"Let her have her cry out. I'll sit down and wait," he thought, and he sat down in an arm-chair.

Then he rang and asked for tea to be brought him, and while he drank his tea she remained standing at the window with her back to him. She was crying from emotion, from the miserable consciousness that their

печально сложилась; они видятся только тайно, скрываются от людей, как воры! Разве жизнь их не разбита?

- Ну, перестань! - сказал он.

Для него было очевидно, что эта их любовь кончится еще не скоро, неизвестно когда. Анна Сергеевна привязывалась к нему все сильнее, обожала его, и было бы немислимо сказать ей, что все это должно же иметь когда-нибудь конец;

life was so hard for them; they could only meet in secret, hiding themselves from people, like thieves! Was not their life shattered?

"Come, do stop!" he said.

It was evident to him that this love of theirs would not soon be over, that he could not see the end of it. Anna Sergeyevna grew more and more attached to him. She adored him, and it was unthinkable to say to her that it was bound to have an end some day; besides, she

да она бы и не поверила этому.

Он подошел к ней и взял ее за плечи, чтобы приласкать, пошутить, и в это время увидел себя в зеркале.

Голова его уже начинала седеть. И ему показалось странным, что он так постарел за последние годы, так подурнел. Плечи, на которых лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Он почувствовал сострадание к этой

would not have believed it!

He went up to her and took her by the shoulders to say something affectionate and cheering, and at that moment he saw himself in the looking-glass.

His hair was already beginning to turn grey. And it seemed strange to him that he had grown so much older, so much plainer during the last few years. The shoulders on which his hands rested were warm and quivering. He felt compassion for this

жизни, еще такой
теплой и красивой, но,
вероятно, уже
близкой к тому,
чтобы начать
блекнуть и вянуть,
как его жизнь. За что
она его любит так?
Он всегда казался
женщинам не тем, кем
был, и любили в нем
не его самого, а
человека, которого
создавало их
воображение и
которого они в своей
жизни жадно искали;
и потом, когда
замечали свою
ошибку, то все-таки
любили. И ни одна из

life, still so warm and
lovely, but probably
already not far from
beginning to fade and
wither like his own.
Why did she love him so
much? He always
seemed to women
different from what he
was, and they loved in
him not himself, but the
man created by their
imagination, whom they
had been eagerly
seeking all their lives;
and afterwards, when
they noticed their
mistake, they loved him
all the same. And not
one of them had been
happy with him. Time

них не была с ним счастлива. Время шло, он знакомился, сходил, расставался, но ни разу не любил; было вес, что угодно, но только не любовь.

И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил как следует, по-настоящему - первый раз в жизни.

Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила

passed, he had made their acquaintance, got on with them, parted, but he had never once loved; it was anything you like, but not love.

And only now when his head was grey he had fallen properly, really in love -- for the first time in his life.

Anna Sergeevna and he loved each other like people very close and akin, like husband and wife, like tender friends; it seemed to them that fate itself had meant them for one

их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих.

Прежде в грустные минуты он успокаивал себя

another, and they could not understand why he had a wife and she a husband; and it was as though they were a pair of birds of passage, caught and forced to live in different cages. They forgave each other for what they were ashamed of in their past, they forgave everything in the present, and felt that this love of theirs had changed them both.

In moments of depression in the past he had comforted

всякими
рассуждениями, какие
только приходили ему
в голову, теперь же
ему было не до
рассуждений, он
чувствовал глубокое
сострадание, хотелось
быть искренним,
нежным...

- Перестань, моя
хорошая, - говорил он,
- поплакала - и будет...
Теперь давай
поговорим, что-
нибудь придумаем.

Потом они долго
советовались,
говорили о том, как
избавить себя от
необходимости

himself with any
arguments that came
into his mind, but now
he no longer cared for
arguments; he felt
profound compassion,
he wanted to be sincere
and tender. . . .

"Don't cry, my
darling," he said.
"You've had your cry;
that's enough. . . . Let us
talk now, let us think of
some plan."

Then they spent a
long while taking
counsel together, talked
of how to avoid the
necessity for secrecy,

прятаться,
обманывать, жить в
разных городах, не
видеться подолгу. Как
освободиться от этих
невыносимых пут?

- Как? Как? -

спрашивал он, хватая
себя за голову. - Как?

И казалось, что еще
немного - и решение
будет найдено, и
тогда начнется новая,
прекрасная жизнь; и
обоим было ясно, что
до конца еще далеко-
далеко и что самое
сложное и трудное
только еще
начинается.

for deception, for living
in different towns and
not seeing each other
for long at a time. How
could they be free from
this intolerable
bondage?

"How? How?" he
asked, clutching his
head. "How?"

And it seemed as
though in a little while
the solution would be
found, and then a new
and splendid life would
begin; and it was clear
to both of them that
they had still a long,
long road before them,
and that the most
complicated and

	difficult part of it was only just beginning.
--	--